

И.К. Богомолов

**РАПОРТЫ УЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ ИСПРАВНИКОВ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ О НАСТРОЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ
В 1914–1915 гг.**

Аннотация. В статье анализируются рапорты уездных земских исправников о настроении населения Московской губернии в начале Первой мировой войны. Исследованы основные особенности и приемы формулирования рапортов, их информативность, отношение к ним московского губернатора и Министерства внутренних дел. В качестве примера в конце статьи представлен рапорт уездного земского исправника Верейского уезда за август 1915 г.

Ключевые слова: Первая мировая война; русская полиция; уездные земские исправники.

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: boga_igor@mail.ru

I.K. Bogomolov. Reports of District County Governors of the Moscow Province About the Mood of the Population in 1914–1915

Abstract. The article analyzes reports of county governors about the mood of the population in the Moscow province at the beginning of the First World War. The main features and methods of formulating reports, their informativeness, the attitude of the Moscow governor and the Ministry of Internal Affairs to them have been studied. At the end of the article, a report of the county governor of Vereisky County for August 1915 is presented.

Keywords: First World War; Russian police; county governors.

Bogomolov Igor Konstantinovitch – Candidate of Historical Sciences, Researcher, INION RAN. Moscow.
E-mail: boga_igor@mail.ru

В должностной иерархии русской дореволюционной полиции уездный исправник занимал особое место. Должность исправника была введена еще в 1862 г. с принятием «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний». Одним из главных нововведений было объединение городской и уездной полиции в единое уездное полицейское управление. Глава уездной полиции – уездный исправник – отныне подчинялся только губернатору. Полномочия исправника в уезде изначально распространялись далеко за пределы чисто полицейских функций. Как представитель Министерства внутренних дел уездный исправник входил в различные уездные административные органы: присутствия по крестьянским делам и воинской повинности, уездный комитет общественного здоровья, уездный распорядительный комитет и др. [2, с. 121]. Исправник был обязан не только пресекать и расследовать правонарушения, но и вникать в хозяйственные проблемы уезда, внимательно следить за общественными настроениями. Благодаря этому уездные исправники были весьма ценным источником информации для губернских и столичных чиновников, имевших, как правило, слабое представление о социально-экономических тенденциях в провинции. Среди «особенных» обязанностей уездного исправника были, например, такие: «Уездный исправник, объезжая уезд... старается своими расспросами и советами вразумлять сельских обывателей насчет их обязанностей и польз и поощряет их к трудолюбию, указывая им выгоды распространения и усовершенствования земледелия, рукоделия и торговой промышленности, особливо же сохранения добрых нравов и порядка» [1, с. 37].

В период революции 1905 г., на фоне ослабления власти на местах, роль уездных исправников только возрастала. Крестьянские бунты, рабочие выступления, оппозиционные настроения интеллигенции – обо всем этом в губернский центр и Министерство внутренних дел был уполномочен доносить только исправник. Однако эти донесения в большинстве случаев носили ситуативный, спорадический характер, их частота напрямую зависела от ответственности исправника и заинтересованности губернатора. Несмотря на подавление основных очагов революции, ситуация оставалась взрывоопасной, и без ясной информации «с мест» правительство могло быть вновь застигнуто врасплох. Решение поначалу виделось в систематизации сообщений исправника и в постоянном донесении обобщающих сведений по губернии до министра внутренних дел. Циркуляры П.А. Столыпина от 8 мая и 16 ноября 1907 г. предписывали уездным исправникам ежемесячно посылать рапорты о настроении населения губернатору, который, в свою очередь, также ежемесячно должен был присылать обобщающий отчет в Министерство [3, л. 261].

На первый взгляд это предписание выполнялось регулярно и без особых задержек. Уездные исправники обычно отчитывались в начале, а губернаторы – ближе к концу месяца. Фактически же рапорты и донесения очень скоро

стали банальными отписками. Однажды сформировав один типовой текст, исправники высылали его губернатору, внося в него минимальные правки, а нередко – меняя только месяц и год в заглавии рапорта. В подавляющем большинстве рапортов исправников содержались заверения в «спокойствии» населения, отсутствии политических объединений, рабочих и крестьянских волнений. Губернаторы были более «изобретательны» и однотипных донесений в МВД не отправляли. Тем не менее, получая от исправников малоинформативные бумаги, и губернаторы были вынуждены из месяца в месяц переставлять слова в предложениях, чтобы нынешнее донесение не было слишком похоже на предыдущее.

Высшие чиновники Департамента полиции видели все недостатки системы рапортов, но реальные шаги по их исправлению были предприняты уже после убийства Столыпина. В циркуляре губернаторам и градоначальникам от 17 ноября 1911 г. новый министр внутренних дел А.А. Макаров отметил, что посылаемые исправниками и губернаторами донесения «отличаются крайним однообразием, а наряду с этим и не дают точного представления о положении дел на местах, которое необходимо Министерству внутренних дел при современных политических условиях» [3, л. 261]. Рапорты исправников в большинстве случаев «вылились в форму повторяемых ежемесячных шаблонов», не отличаясь при этом единообразием по форме. Отныне от губернаторов и уездных исправников требовалось ежемесячное предоставление конкретных сведений, уже перечисленных в циркуляре. Обязательными были пункты о настроении крестьянства, пролетариата и интеллигенции. Кроме того, исправники должны были делать краткий обзор печати, настроения «просветительских организаций и обществ частной инициативы, лиц свободных профессий, учащейся молодежи, профессиональных обществ, инородческого населения» [3, л. 261]. Вводились и строгие временные рамки предоставления отчета: не позднее, чем в первые три дня месяца. Министр призывал исправников не замалчивать «действительную» ситуацию в уезде и более внимательно наблюдать за населением.

Однако и эти указания из Петербурга не привели к заметным изменениям. Перечисленные в циркуляре «обязательные» темы были так же шаблонно прописаны и перемещались из одного рапорта в другой. В значительной степени это было вызвано спецификой русского дореволюционного уездного города. В повседневной рутине далеко не все исправники были способны ощутить перемены в общественных настроениях, приметить события, которые заинтересовали бы начальство. Большая часть новостей касалась естественного хода провинциальной жизни: посевная и уборочная кампании, слухи о росте цен, жалобы на неустройство дорог и канализаций и т.п.

Первая мировая война поначалу не внесла в этот порядок существенных изменений. Напротив, патриотический подъем дал основания для более бодрых

донесений: в условиях войны старые повседневные проблемы отходили на второй план. В полной мере это относилось и к уездам Московской губернии. Несмотря на высокую плотность населения, многочисленность пролетариата, традиционно сильные позиции земства, распространенность либеральных идей в интеллигентской среде – рапорты исправников подмосковных уездов мало чем выделялись на общеимперском фоне. Так, в рапорте за июль 1914 г. исправник Серпуховского уезда писал: «Ни одна из партий какой-либо агитационной деятельности не проявляла. Недовольства существующим порядком вещей или действиями Правительства не замечалось. Напротив, все слои общества, охваченные патриотическим чувством, объединились, дабы принести посильную помощь Царю и родине» [2, л. 172]. Оптимистично рапортовал и исправник Богородского уезда: «Население всех слоев общества к объявлению войны относится сочувственно и, несмотря на тяжелый год в смысле урожайности хлебов и трав и на уход из семьи работников, никакого недоброжелательства к действиям правительственной власти не проявляется» [2, л. 183].

Тезис о «приподнятом настроении» населения рефреном проходил по всем рапортам во второй половине 1914 г. Некоторые исправники и здесь сумели сформировать шаблонные фразы для их ежемесячного воспроизводства. Клинский исправник к испытанному еще до войны шаблону отныне регулярно прибавлял несколько фраз о патриотическом подъеме, об интересе к войне и благотворности отрезвления [2, л. 224]. Бронницкий исправник в рапорте за август 1914 г. заверял губернатора, что «все внимание крестьян сосредоточено исключительно на военных событиях... победы русских вызывают в населении восторг и проявление особого патриотизма» [2, л. 191]. По мере угасания патриотических настроений содержание рапортов постепенно менялось. Вместе с заверениями в «спокойствии» населения все чаще появлялись сообщения о недовольстве населения ростом цен, о забастовках, разгромах продуктовых магазинов [3, л. 67].

Отражались в отчетах и антинемецкие настроения, особенно в тех уездных городах, где с довоенных времен работали предприятия с германским капиталом и с этническими немцами в правлении. Под влиянием беспорядков в Москве в конце мая 1915 г. выступления против «немца» прокатились и в других городах губернии. Рапорт Подольского исправника за май 1915 г. был весьма характерен для того времени: «События в Москве очень сильно отразились на населении Подольска и его уезда, особенно же на фабричном населении. Между рабочих фабрик и заводов, особенно завода Зингера, еще с вечера 28 мая началось глухое брожение, а 29 числа утром я был вызван на завод Зингера, где в чайной собрались уполномоченные от всех мастерских, которые заявили мне, что они не ручаются за сохранение на заводе нормальной жизни, если с завода и из уезда не будут удалены немцы и не будут

удержаны торговцы от повышения цен на предметы первой необходимости» [3, л. 118].

Исправники других уездов также сообщали о «брожениях», «глухом недовольстве» и даже о попытках поджога имущества германских подданных [3, л. 134]. Однако большинство рапортов по-прежнему оставались довольно лаконичными и малоинформативными. Подробное описание тех или иных происшествий давалось редко, в основном они перечислялись, заносились в отдельные списки, или же только подразумевались под общими фразами о «тревожных настроениях» [3, л. 127]. Некоторые рапорты высылались в виде таблиц, где настроения групп населения заносились в отдельные колонки. Так делал, например, Звенигородский исправник, прибавлявший еще и колонку со случаями «грабительской деятельности в смысле кратного и точного указания на уменьшение или увеличение ее в сравнении с предыдущим месяцем» [3, л. 306].

Из всех рапортов исправников Московской губернии за 1914–1916 гг. лишь несколько представляли собой аналитический обзор общественных настроений уезда. В этом смысле выделяются докладные записки – приложения к рапортам, которые исправник Верейского уезда А. Федоров направил московскому губернатору Н.Л. Муравьеву во второй половине 1915 г. Это тем более примечательно в сравнении с более ранними рапортами Федорова, мало чем отличавшимися от рапортов других исправников. Вместе с тем первые тревожные сигналы о настроениях населения Федоров подавал еще за полгода до «Великого отступления». Рапортуя о «патриотическом подъеме», Федоров изначально был сдержан и не выходил за рамки шаблонных фраз. С января 1915 г. он неоднократно указывал, что тема войны в общественном сознании видоизменяется, становясь не столько «громоотводом» оппозиционных настроений, сколько их новым катализатором. Немецкий погром в Москве только усилил Федорова в этом мнении, и он высказывал опасение, что подобные события могут в любой момент повториться [3, л. 257].

В рапортах Федорова отразились основные события политической жизни страны в середине 1915 г.: «Великое отступление» русской армии, созыв Думы, отставка великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, быстрый рост цен, кампания по борьбе с «немецким засильем». Рапорт не отличается стройностью и последовательностью, изобилует лексическими ошибками. Однако эти наблюдения исправника дают представление о повседневной жизни и настроениях в русской провинции в годы Первой мировой войны. Ниже мы приводим полный текст рапорта А. Федорова за август 1915 г. [3, л. 237, 237 об., 238].

Конфиденциально.
Московскому Губернатору,
Верейского Исправника
Рапорт

К № 55 от 7 сего сентября¹, для сведения Вашего Сиятельства, докладываю:

К перемене Верховного Командования почти все население сначала отнеслось недоверчиво, сожалея об уходе В[еликого] К[нязя] Николая Николаевича, но после первых же газетных сведений о наших победах – переменяло свой взгляд, не выражая, впрочем, при этом особого патриотического подъема по такому важному случаю, как командование армиями самим Государем.

К роспуску Думы население отнеслось разное. Крестьяне-землевладельцы – частью подавленно, частью почти безразлично, но крестьяне-рабочие, а в особенности фабричные, которые еще до роспуска Думы, благодаря речам «левых ораторов», находились в приподнятом настроении, с момента роспуска Думы находятся в сильно нервном настроении, так что возможны с их стороны какие-либо выступления. Внушить им путем бесед, что выступление будет в ущерб России – напрасный труд, ибо большая часть их отлично сознает это, т[о] е[сть] ущерб России, но рабочее население всегда недружелюбно было настроено против Правительства, а последние речи думских ораторов настроили их еще хуже. По их мнению, Правительство всегда стоит на стороне хозяев в ущерб им, рабочим.

Вообще роспуск Думы на все население произвел тягостное, угнетенное состояние. Население замкнулось в самом себе, скрывая даже друг от друга свои, по сему поводу, размышления. Про патриотизм населения и говорить не приходится. Насколько с начала войны был ярок и высок патриотизм населения, настолько он теперь упал, если не сказать больше. Особенно это наблюдается при приеме как новобранцев, так и ратников. Если еще что охотно население давало для войны – это лошадей и повозки, потому что цены были хорошие, а корм очень дорог. Во всем остальном население относится к Правительству с большим недоверием, без расположения, но с критикой. Как только началась сдача наших крепостей, население усиленно стало выбирать из сберегательных касс свои вклады. По частным сведениям, из нашего Казначейства взято около 60 000 рублей. Никакой в данном случае агитации, кроме газетных известий о поражениях, не было.

1. Имеется в виду рапорт о настроении населения Верейского уезда за август 1915 г.

В конце августа (1915 г. – *И. Б.*), когда Верейский Воинский Начальник, образовав Комиссию, осматривал в городе свободные квартиры для размещения батальона солдат, то свободных домов оказалось на 600 человек. Это дома, владельцы коих в них живут только летом, зимой же постоянно живут в Москве. После осмотра сказанные домовладельцы стали возвращаться из Москвы на жительство в оставленные ими дома, лишь бы не поставили к ним солдат. Словом, патриотизма и желания прийти на помощь Правительству в это переживаемое тяжелое время почти не замечается. Население, за очень малым исключением, разделилось на две категории: 1-я – унывающие, недовольные войной, и 2-я – извлекающие пользу из обстоятельств в связи с войной. К 1-й категории относятся все отцы, матери, жены, у которых призваны дети, мужья, хотя почти каждый из призванных на войну старается, так или иначе, если не отделаться совсем от войны, то по крайней мере остаться в тылу. И таких «счастливых» в Москве много.

Ко 2-й категории следует отнести наш торговый и промышленный класс, который, несмотря на всю тяготу войны для России и ее верных сынов, живет и чувствует себя превосходно. Пользуясь настоящим моментом, кто покупает дом, кто – процентные бумаги, не скрывая источников такого быстрого обогащения. Прирост процентных бумаг особенно наблюдается при ежемесячных ревизиях казначейства. Безусловно, такое быстрое обогащение получается исключительно не всегда добросовестным отношением как к казне, так и к обывателю. Замечается это больше в крупных предприятиях, чем у мелких. Так, уже неоднократно замечается, что при поставке сапог от крупных сапожников у них почти всегда половина сапог бракуется, однако они находят способ сдать и эти бракованные сапоги в Москве. Вообще, Москва, по мнению многих преданных России людей, представляет из себя скорее обогащающий, нежели спасающий-патриотический лагерь.

Все вышеизложенное дает мне [основание сделать] следующее заключение:

Переживаемый ныне Россией момент очень напоминает 1905-й год, с тою лишь разницей, что тогда революционные беспорядки произошли по окончании Японской войны, а теперь с[оциалисты]-р[еволюционеры], видимо, желают воспользоваться нашими неудачами на фронте и устроить таковые даже во время войны, не считаясь с последствиями. И если они, т[о] е[сть] с[оциалисты]-[революционеры] и с[оциал]-д[емократы], до сего времени успеха не имели, то лишь благодаря некоторым препятствиям, одно из которых – твердость Правительства, а также преданность Престолу чинов полиции. В частности – стражников, которые, несмотря на всю тяготу настоящего времени, не только в служебном, но и в чисто житейском отношении, ввиду вздорожания жизни, службу несут по долгу присяги, твердо и безропотно. Кроме стражников имеется еще, хотя и небольшая, но зато здравомыслящая

часть населения, которая к реформам с[оциал]-д[емократов] и с[оциалистов]-р[еволюционеров] относится отрицательно, а по некоторым вопросам, как о равноправии евреев и автономии окраин – даже недружелюбно.

Принимая во внимание, что в Нарском районе вверенного мне уезда, кроме большой фабрики Т[овариществ]ва В[ерейск]ой М[ануфакту]ры находятся несколько имений г[оспод] Шлиппе, коих население считает за немцев, относилось и относится к ним недружелюбно в связи с газетными заметками о немецком засилье, и считаясь с майскими слухами, что в случае призыва ратников 2-го разряда население посчитается со Шлиппами, возможно ожидать повторения волнения. Посему, преподав надлежащим исполнит[ельным] чинам должные указания, я временно командировал в Нару десять конных стражников, сам же с остальными десятью остаюсь в городе, так как 8, 9 и 10 сентября ожидается большое скопление ратников со всего уезда, настроение которых, как мне известно, в связи с Московской забастовкой, приподнято.

В интересах общего государственного дела считаю долгом присовокупить: было бы очень желательно и своевременно назначить, по усмотрению Вашего Сиятельства, съезд всех Исправников для обмена мнениями о текущих событиях и для выработки общего плана действий чинов Полиции вверенной Вам губернии.

До подписания сего рапорта мною получены сведения, что ратники, из фабричных рабочих, а также и не работающие на фабриках, по прибытии в город Верею предлагают предъявить требование и о призыве ратников, работающих на фабриках, а в случае неудовлетворения их требования – учинять в городе беспорядок 8-го или 9-го сентября. Приняв общие меры к предупреждению могущих возникнуть беспорядков, настоящее донесение отсылаю с нарочным, прося по последнему обстоятельству дать мне знать, как поступать с буйствующими. Верейскому Воинскому начальнику одновременно с сим сообщается.

Подписано: Исправник А. Федоров

№ 55
7 сентября 1915 г.
Верея.

Библиография

1. Тарасов И.Т. Полиция России. История, законы, реформы. М.: Книжный мир, 2011. 256 с.
2. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 551.
3. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 680.
4. Ялтаев Д.А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах: по материалам чувашских уездов / Дис... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 289 с.

References

- Tarasov I.T. Politsiya Rossii. Istoriya, zakony, reformy. Moscow: Knizhnyj mir, 2011. 256 p.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. 17. Op. 84. D. 551.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. 17. Op. 84. D. 680.
- Yaltaev D.A. Uezdnyaya politsiya v Kazanskoj gubernii v 1862–1917 godah: po materialam chuvashskih uezdov / Dis... kand. ist. nauk. Cheboksary, 2004. 289 p.